

На съемкахъ.

I.

«Генеральская» деревня почти пуста. На улицѣ, тянущейся вдоль шустрой рѣченки «Свахи», только двое ребятшекъ сгребають пыль въ кучи и затѣмъ съ воплемъ бросаются на нихъ, разметывая ихъ ногами и танцуя какой-то дикій танецъ.

Поручикъ Дикъ сидитъ въ тарантасѣ у околицы. Въ повозкѣ помѣстилось лишь его туловище, а ноги безпомощно висятъ внаружу, уступая свое законное мѣсто ящикамъ съ инструментами и всякимъ коробкамъ и лукошкамъ, возвышающимся между нимъ и пустымъ мѣстомъ, только что покинутымъ поручикомъ Корсаровымъ для осмотра предлагаемой для найма избы. Изба двойная, стоитъ на косогорѣ и щурится своими поделѣноватыми окнами на лугъ и рѣчку, которые сплошь залиты нерасчетливымъ солнцемъ. Низкія яблони вокругъ избы уныло шевелятъ запыленными листьями, одинокими въ этотъ годъ на вѣтвяхъ: морозъ побилъ цвѣтъ и яблокъ не будетъ. За рѣкой, изъ-за лѣса, на горѣ виденъ крестъ церкви; правѣе и совсѣмъ ужъ на горизонтѣ чернѣетъ большая деревня, а все остальное—кустарникъ и корявый лѣсъ, мало чѣмъ отличающійся отъ перваго.

— Дикъ, иди сюда, слышится голосъ спутника, сражающагося уже съ четверть часа словесно съ бабой хозяйкой. Дикъ лѣзетъ изъ тарантаса; съ громомъ валится цѣпь, связанная въ пучекъ, и задѣваетъ мѣшокъ съ мелкимъ сахаромъ. Изъ прорванной дыры бѣлой стружкой песокъ сыпется на ящики съ инструментами. Махнувъ рукой, Дикъ бредетъ въ избу, спотыкается о ступеньки лѣстницы и, несмотря на предупрежденія Корсарова, задѣваетъ головой за косякъ.

— За эту комнату, говорить по-французски Корсаровъ, она просить въ мѣсяцъ три рубля. Денщику будетъ мѣсто. Ея дочь кухаркой служитъ зимой въ Петербургѣ и беретъ на варить; просить за это 5 рублей. Я думаю, надо нанять: чисто, повидимому, нѣтъ клоповъ и, смотри, какая прелесть кругомъ: изба крайняя, рожь чуть не въ окно глядитъ. Есть корова, а стало быть молоко, сметана, простокваша, яйца, сыръ; мясо въ деревнѣ можно достать, но не всегда...

Дикъ согласенъ на все: конецъ экзаменовъ и нѣсколько дней затѣмъ до отъѣзда на съемку поселили въ его головѣ угаръ, царящій въ ней теперь исключительно: непрерывное зубреніе, потомъ скачки, рестораны, клубъ и карты слились во что-то тусклое, въ чемъ трудно теперь разобраться. Хочется скинуть докучливую амуницію, лечь на сѣно, укрыться простыней отъ мухъ, чтобы и головы не было видно, и спать безъ конца, нагоняя пропущенное и забытое.

Хозяйка по его просьбѣ, пока еще вещи покрупнѣе и денщикъ въ пути, убрала съ кровати высокую постель; матрасъ и подушки унесены на чердакъ, вмѣсто нихъ постлано сѣно; мигомъ Дикъ распластался на немъ, смѣшно зарывъ голову въ сухую траву. А Корсаровъ, поглядѣвъ съ сожалѣніемъ на прорванный мѣшокъ, внесенный въ избу съ остальными вещами ямщикомъ и убавившейся наполовину, присѣлъ за столъ и началъ заносить въ книжку общіе расходы: вино и провизія, за тарантасъ, на станціи носильщикамъ, за перевозку вещей, задатокъ хозяйкѣ...

Но бессонная ночь въ вагонѣ, затѣмъ хлопоты на мѣстѣ взяли свое. Не найдя мѣста въ избѣ, онъ за сѣннымъ сараемъ, въ тѣни, на травѣ, самъ черезъ десять минутъ безжизненно упокоился на разостланномъ пальто.

Долго придурковатый денщикъ Егорушка бродилъ въ пустой деревнѣ, отыскивая господъ, пока толстый и чисто вымытый мальчуганъ не показалъ ему на избу, нанятую пріятелями.

* * *

Корсарова разбудилъ Дикъ. Съѣвъ по-турецки у его головы, онъ щекоталъ соломенкой вокругъ уха и носа и, видя, что тотъ наконецъ очнулся, началъ браниться:

— Вообрази, этотъ дуракъ Егорушка чуть не за сапоги стащилъ меня съ постели. Онъ мнѣ и въ городѣ надоѣлъ, а здѣсь это будетъ невыносимо. Тутъ я думалъ поправить свои нервы, а онъ будетъ меня раздражать на каждомъ шагу. Это невыносимо, его надо отправить...

— Постой, я не понимаю, въ чемъ дѣло; почему онъ тебя тащилъ?

— Слышу, кто-то толкаетъ меня; думаю—ты и спрашиваю, что такое; а этотъ дурень докладываетъ, что простыни «достаты» и можно устроить постель. Я такъ рассердился, что не могъ ужъ заснуть...

— А другой «дурень» пришелъ меня будить по причинамъ еще менѣе уважительнымъ... Такъ я васъ обоихъ прогону. А! Какъ ты думаешь?

— Завтра—гони, а пока иди устраивай намъ поѣсть... Меня Егорушка какой-то дрянной колбасой угостилъ, и это только раздражило аппетитъ...

— Конечно; отобралъ у Егорушки колбасу, а потомъ гони его вонъ... Тащи мое пальто; я налегкѣ отправлюсь на рекогносцировку къ хозяйкѣ...

И друзья отправились въ избу.

* * *

День умиралъ. Быстро скатившееся съ неба солнце на десятокъ минутъ задержалось на верхушкахъ деревьевъ, зажгло окно въ избѣ дальней деревни, позолотило крестъ на церкви и отбросило длинныя тѣни отъ стоговъ, избъ, деревьевъ и пригорковъ. Деревня ожила. У бани, за околицей, на выловленныхъ изъ рѣки полѣньяхъ размѣстились «барышни»; на другой сторонѣ дороги, прямо на травѣ—парни съ гармоніей.

Дикъ и Корсаровъ слушаютъ со скамьи у избы смѣхъ, веселую перебранку и рулады гармоніи. Въ сторонѣ, у сосѣдней избы, подъ предѣлательствомъ Егорушки четверо солдатъ, назначенныхъ въ помощь офицерамъ, затянули какую-то унылую пѣсню, вѣрно способную сразу удовлетворить малороссовъ, поляка и грузинъ.

Въ видѣ протеста отъ бани слышится начало захватской фабричной пѣсни, и вскорѣ долина «Свахи», покрывающаяся туманомъ отъ задымившейся рѣки, огласилась нестройными воплями женскихъ и менѣе отчаянными выкриками мужскихъ голосовъ. Крестъ потускнѣлъ, окно погасло; потянуло холодомъ.

— Напьемся чаю, и спать, предложилъ Корсаровъ, вѣдь завтра чуть солнце взойдетъ—на работу...

Черезъ часъ Дикъ, обсыпавшись на всякій случай съ головы до ногъ персидскимъ порошкомъ, уже лежалъ въ постели и говорилъ съ Егорушкой, складывавшимъ платье.

— Егорушка, ты женатъ?...

— Никакъ нѣтъ, ухмыльнулся тотъ.

— Егорушка, а когда ты женишься, ты какъ дѣтей своихъ назовешь?

— Т. е. имена?

— Ну, да...

— Старшого, какъ васъ—Петромъ, ваше благородіе; а другого... тутъ Егорушка оглянулся на Корсарова и замолкъ.

— Такъ ты хочешь, чтобъ твой сынъ на меня походилъ?

— Такъ точно... въ-какой ферть будетъ: сапоги, какъ у васъ, и чтобъ усы также кверху...

— Ты меня такимъ же дурнемъ представляешь, какъ и ты самъ.. Убирайся спать, глупости болтаешь.

— Я самъ раздѣнусь, иди, сказалъ Корсаровъ, сидя у стола и записывая что-то.

— Вы оба стоите другъ друга, добавилъ онъ, когда сконфуженный Егорушка исчезъ.

— «Ваши слова есть истина святая...» фальшиво пропѣлъ Дикъ и задулъ свѣчу...

За тонкой стѣной старикъ-дѣдъ тоже укладывался. Онъ шумѣлъ-тюфякомъ, кашлялъ, а затѣмъ какой-то своеобразной молитвой просилъ объ урожаѣ, добротѣ «дачниковъ». Дикъ уснулъ подл его слова: «сказалъ Господь человѣку: дамъ тебѣ все, что ни пожелаешь. И попросилъ тотъ всего; сидитъ и ждетъ. А потомъ говорить Богу: что же, обѣщаль, а ничего нѣтъ.

И говорить ему Господь: даль душѣ я твоей желанія многія: иди, дерзай самъ, трудись; другимъ я не даю желаній такихъ. И затѣмъ старикъ молитвенно произнесъ: Господи, Господи, помоги мнѣ въ желаніяхъ моихъ...

Кто-то шелъ съ поля и пѣлъ. Онъ долго не могъ одолѣть околицы, бранился, пронизировалъ надъ самимъ собой и постепенно утихъ, видно на всю ночь, у этого неодолимаго препятствія. Тихая свѣтлая сѣверная ночь молчала.

II.

На крутомъ косогорѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончается пахота и начинается обрывъ, подл вѣхою, на солнцекѣ сидѣлъ Дикъ. Два солдата лежали ниже его на травѣ и жевали стебли какого-то растенія; тутъ же стояли и лежали инструменты, съ которыми никакъ не могъ сладить поручикъ.

Провозившись два часа, изморивъ нѣсколькими переносами багажа своихъ помощниковъ, онъ теперь отдыхалъ.

Вымазанная отъ солнца вазелиномъ физиономія блестяла; охотничьи сапоги, уже грязные и сверху запыленные, казалось были сняты съ другого, и вся довольно грязная фигура его была жалка; въ эту минуту Егорушка, пожалуй, не согласился бы имѣть сына, похожаго на него.

Дикъ смотрѣлъ на чистую воду рѣченки подл косогоромъ, бросалъ въ нее комья земли и удивлялся, что круги не расходятся по водѣ, какъ это принято.

Изъ лѣсу, на той сторонѣ рѣчки, показался красный зонтикъ; онъ медленно приближался; но глазастый Дикъ ничего не могъ разобрать подл нимъ: солнце яркимъ свѣтомъ своимъ все сравняло. Трудно было сказать, стройна ли была шедшая къ нему, молода ли, красива ли. Въ одной рукѣ книга, въ другой—зонтикъ; простая бѣлая юбка; лица невидно подл краснымъ грибомъ.

Вотъ ужъ зонтикъ подошелъ къ рѣчкѣ и по камнямъ началъ ее переходить. Дикъ подбодрился; проклиная себя за то, что одѣлся такъ скверно, онъ началъ стирать съ лица вазелинъ, поднималъ кверху усы, подтянулъ голенища. А зонтикъ поднимался по косогору. Его владѣлица, видно уставъ, остановилась, опустила свой щитъ, и на нашего героя посмотрѣли ясные, каріе глаза прямо, спокойно, безъ тѣни робости или смущенія. Дикъ всталъ; каріе глаза обратились къ солдатамъ; тѣ замерли. Не зная, что дѣлать, Дикъ приложилъ пальцы къ козырьку и держалъ до тѣхъ поръ, пока, наклонивъ голову, стройная, красивая молодая дама или дѣвушка не прошла мимо него совсѣмъ близко...

* * *

Этотъ день была суббота. Когда вечеромъ наши друзья сошлись въ избѣ, изъ-за лѣсу неся жидковатый колокольный звонъ, а изъ оконъ видна была картина, освѣщенная, какъ въ день ихъ пріѣзда. Мужиченка въ портахъ съ громадной заплатой, въ растегнутой до пояса рубахѣ, безъ шапки, несъ ведро, изъ котораго торчалъ вѣнникъ. Надорваннымъ голосомъ онъ кричалъ.

— Всѣ наши крайніе мелкомѣстные, въ ба-а-а-а-ню-ю!

И изъ сосѣднихъ избъ потянулись мужики въ такихъ же костюмахъ, съ такими же ведрами и вѣниками, направляясь за околицу къ дымившейся банѣ.

Отбившійся отъ матери жеребенокъ носился по пыльной улицѣ и звонко ржалъ; гдѣ-то близко клокотала снесшаяся курица, отъ рѣчки неслись удары валька, и все это на фонѣ тягучихъ словъ Егорушки, уныло читавшаго: «Геніальный взглядъ Путилина проникъ до мозга костей злодѣя; парабеллумъ инстинктивно...»

Дикъ брлся у окна, Корсаровъ набивалъ папирасы.

— Егорушка, закричалъ Дикъ. Тотъ вошелъ.

— Егорушка, скажи, что такое геніальный?

Тотъ ухмыльнулся.

— А что такое парабеллумъ? А инстинктивно? Не знаешь?

Зачѣмъ ты всякую дрянъ читаешь?

— Агафья дала...

— Какая Агафья?

— А на одной лѣстницѣ съ нами судомойка генерала Антуфьева; теперь, говорятъ, всѣ читаютъ; теперь, говорятъ, это модно...

— А что такое модно?

Вѣки Егорушки начали быстро мигать, на глазахъ стояли слезы.

— Пойди, поставь самоваръ, выручилъ его Корсаровъ. Тотъ мигомъ исчезъ.

— Да брось ты его изводить. Свои нервы лѣчишь, а его—портишь. Если онъ придурковать, такъ, стало быть, у него тамъ не всѣ дома, не все въ порядкѣ; а ты его не щадишь. Каждый день экзамень.

— Провались ты со своими нотаціями; я такую сегодня особу видѣлъ, что всѣхъ васъ, съ вашими инструментами, вѣхами, нотаціями, аккуратностью и прочими добродѣтелями продать, такъ мизинецъ ея не пріобрѣтешь за это. Ты понимаешь въ этакой труппѣ и элегантна до каблуконъ... Ботинки если не отъ Вейсса, такъ... ну да, чортъ его знаетъ, откуда... Лица не помню; только загорѣлыя въ пятнышкахъ руки; одна съ зонтикомъ, другая—съ книжкой. Есть груши съ коричневой кожицей: неровная, съ маленькими пятнышками свѣтлѣе и темнѣе, а ножикомъ снимешь часть ея—чистѣйшій брызнетъ сокъ...

— Кончикъ носа какъ вымытая молодая картофелина, подхватилъ Корсаровъ, лѣвая пятка—какъ носъ молочнаго поросенка... А сама она похожа на пучекъ душистаго сѣна, или на бутылку Мумма? А?

Вмѣсто отвѣта Дикъ выпрямился, отставилъ руку съ бритвой, расправилъ свою открытую здоровую грудь, шагнулъ впередъ и продекларировалъ:

«Ночь смотреть тысячами глазъ,

«А день глядеть однимъ...»

И потомъ съ азартомъ заговорилъ:

— Захлебнись ты въ своихъ философахъ, вытяни мнѣ отсюда, что я безнравственъ и на женщину смотрю, какъ на лошадь; что я поэтому глупъ, а могу быть уменъ; что, поступивъ въ академію,

надо заниматься, а не паясничать. А я тебѣ скажу, что въ концѣ концовъ ты притворяешься; хотѣлъ бы иногда на меня походить, а не умѣешь; прорвешься когда-нибудь, не выдержишь; взнуздаютъ тогда тебя, осѣдлаютъ, въ такіе шенкеля возьмутъ, что испанскимъ шагомъ гулять станешь; попрежнему будешь вѣщать свои мудрости, но уже въ перерывахъ между двумя экзекуціями башмакомъ. Еще ладно, если онъ изящный будетъ, а то такіе корабли вываютъ, которые и вѣсать не мало...

И, покончивъ съ бритьемъ, накинувъ на нижнюю рубаху пальто, онъ вышелъ изъ избы безъ шапки и такъ скоро побрелъ по межѣ среди ржи; оттуда уже несло:

„Нѣтъ, это не пройдетъ,

„Нѣтъ, это не пройдетъ,

„И козьи ваши всѣ и понима-а-а-ю-у...»

«Осѣдлаютъ», произнесъ вслухъ Корсаровъ, бросилъ папиросу и задумался.

Вспомнилъ, какъ, не глядя ни на кого, шелъ онъ по театральной площади, когда громадные хлопья снѣга, прилипнувъ одинъ къ другому, покрыли его всего. И въ темномъ проходѣ, у кассы Маринскаго театра, онъ, между дверей стряхивая снѣгъ, увидѣлъ, какъ кто-то другой порывистыми пощелуями покрывалъ тѣ самыя руки, которыя онъ цѣловалъ такъ недавно. Онъ повернулся къ выходной двери: сквозь падающій снѣгъ были видны пробѣгавшіе вагоны трамвая, ученицы консерваторіи подходили узнать новый репертуаръ, пшыряли барышники, прячась отъ полиціи, а бритый капельдинеръ въ пальто съ барашковымъ воротникомъ говорилъ всѣмъ входящимъ: «билетовъ нѣтъ, господа...»

Ну, что же, и абонементы иногда уступаютъ другимъ, подумалъ онъ и поѣхалъ домой. Сѣдлай, но меня одного; а такъ: всѣмъ понемногу... «нѣтъ, это не пройдетъ!» замурлыкалъ онъ и закурилъ папиросу.

Даже малонаблюдательный Дикъ, вернувшись, замѣтилъ переѣзду на лицѣ друга и, думая, что тотъ на него обидѣлся, взялъ за плечи, нагнулся къ его уху и произнесъ:—«Не плачь дитя, не плачь напрасно»...

Корсаровъ еле высвободился изъ могучихъ объятій Дика, отскочилъ отъ него и въ тонъ произнесъ:

— «На могучемъ океанѣ безъ руля и безъ вѣтриль...»

Баба за стѣной въ полъ-голоса пѣла:

...Сѣрое платье,

Вѣлая фата.

Дайте мнѣ милаго,

Что я влюблена...

— Иди къ ней, указаль Корсаровъ Дикъ черезъ стѣнку, а меня не тревожь, пока еще никто не осѣдлалъ!

— А быть бычку на веревочкѣ... и Дикъ взялся за Мопассана.

III.

Дикъ фыркалъ, какъ испугавшаяся автомобиля лошадь, разглядывая со всѣхъ сторонъ узкую тонкую визитную карточку, на которой было написано: «Агнеса Владиміровна фонъ-Шнабель-крафтъ рада возможности прислать письма и газеты, взятыя на станціи. Мы пьемъ чай въ 4».

— Чортъ возьми, говорилъ онъ, послѣзавтра повѣрка; горизонталі еще не всѣ усадилъ на надлежащее имъ мѣсто, до красокъ и не дотрагивался, а тутъ она «пить чай въ 4». Шнабель-крафтъ... Корсаровъ, а ну-ка, переведи... Нѣтъ, не надо, сдѣлаешь точно и выйдетъ неизячно... Слушай: «сильна, какъ клювъ».

— Егорушка, бриться, мыться! Егорушка, изведу до слезъ, до смерти, если закопаешься. Егорушка, принеся отъ прачки носовые платки? Егорушка, опять брюки въ ожиданіи чистки висѣли у дымящаго самовара! Егорушка, темлякъ новый одѣнь...

Послѣднее распоряженіе болѣе другихъ подѣйствовало на слугу, и тотъ началъ открывать корзину.

Планшетъ съ неоконченной сьемкой, на немъ галстухъ, платки, Корсаровская коробка съ гильзами, все это въ кучѣ было свалено на кровать безъ разбора цѣнности предметовъ.

Корсаровъ тушевалъ планшетъ, закусивъ нижнюю губу и сдвинувъ брови.

— Этотъ кипрегель меня доканалъ, говорилъ онъ, пошелъ сегодня на вѣху повѣрить; навелъ на часовню, и не видать ее: оказывается труба до того распаталась, что во всѣ стороны вертится. Не знаю, какъ на повѣркѣ быть...

— Вмѣсто того, чтобы радоваться, ты плачешь, подхватилъ Дикъ. Ничего не дѣлать... А если ужъ очень тебя пугаетъ—залѣпи мякишемъ, какъ трубачи съ трубами дѣлаютъ. Только по разсѣянности объективъ не залѣпи... Ты знаешь, кстати... или вѣрнѣе некстати. Вчера я снималъ за рѣкой; пошелъ пить молоко къ арендатору; тамъ какой-то Карлъ Абрамовичъ; шустрый нѣмецъ, сьемку лучше меня понимаетъ: ужъ сколько лѣтъ здѣсь академики работаютъ. Такъ онъ мнѣ рассказывалъ, какъ года три назадъ тутъ пріѣхалъ офицеръ на сьемку. Привезъ съ собой какую-то подозрительную фигуру въ штатскомъ и та ему все снимала, а онъ въ избѣ сбѣжалъ. Только на повѣркѣ заглянулъ этотъ офицеръ въ трубу и поблѣд-

нѣлъ. Что такое, спрашиваютъ. А онъ отвѣчаетъ, что еще вчера всѣ вѣхи повѣрилъ, а тутъ одна вверхъ ногами стоитъ..

— Ну такъ что-жь?

— Претендуешь быть умнымъ, а не понимаешь... Вѣдь въ трубу всѣ предметы вверхъ ногами кажутся...

— Это похоже на рассказы барона Мюнхаузена; въ трубу хоть изъ любопытства посмотрѣть можно было раньше.

— Да вѣдь это не я выдумалъ; нѣмецъ рассказалъ. Онъ пріѣхалъ обѣщаль.

— И занимайся съ нимъ самъ. То попа притащилъ, который передъ уходомъ фунтъ сахара въ карманъ спряталъ: дѣтямъ гостиницы; то полъ деревни въ болото завелъ вытаскивать аэропланъ, изобрѣтенный тобой, а затѣмъ мадерой ихъ угощать хотѣлъ. А съ какой стати, спрашивается, ты съ бабами 15 верстъ въ Оселки на храмовой праздникъ пѣшкомъ ходилъ и тамъ съ ними водку пилъ?

— Ты прологъ изъ Фауста помнишь?

— Читалъ... неувѣренъ, при чемъ онъ тутъ?

— А помнишь, Мефистофель отвѣчаетъ Господу про Фауста:

«Какъ сумасшедшій, онъ разсудкомъ слабъ;
«Всегда куда-то въ даль стремится,
«Всегда въ мечтанья погруженъ;
«То звѣздъ съ небесъ хватаетъ онъ,
«То высшимъ счастьемъ хочетъ насладиться...»

— Такъ это ты?

— Да мы оба... Каждый по своему... Я—въ общеніи съ нѣмцемъ, попомъ, бабами, ищу возможности забыть временами повседневную чепуху, если не для «высшаго счастья», такъ ради стремленія въ даль. А ты червячковъ, которые тебя грызутъ, моришь за мензулой генерала Стефана... Съ твоей точки зрѣнія я веду себя скверно... Но я пріобрѣтаю знанія, любопытствую, а ты сушишь себя этимъ непрерывнымъ сосредоточеніемъ на одномъ. Паскаль правъ, что «лучше знать понемногу обо всемъ, нежели все о немногомъ». Ты отлично сдѣлалъ сьемку, повѣрилъ ее на двухъ вѣхахъ и, несмотря на испортившійся инструментъ, говоришь, что придратъся нельзя. Къ чему же тебя понесло затѣмъ на третью, четвертую и пятую вѣхи?! Неужели жалкое самодовольство, что вотъ поставлю линейку съ вѣхи Г на вѣху Д, а она въ трубѣ около волоска... И затѣмъ про себя молишься: благодарю тебя Господи, что ты не сдѣлалъ меня мытаремъ... сирѣчь Дикомъ.

— Ты сейчасъ дѣлаешь изъ своей души консервъ; впрокъ, до самой смерти. Тебѣ будетъ легко, а окружающимъ тяжело...

— Чего ты отъ меня хочешь? — вспыхнулъ Корсаровъ.

— Чтобы ты со мной шелъ къ дамѣ, которая «силна какъ клювъ».

— Идемъ...

* * *

Изъ за дальнихъ холмовъ неслись заунывные крики паровоза, когда наши друзья выѣхали изъ лѣсу, возвращаясь отъ гостей. Полнымъ блиномъ луна свѣтила на все небо, не дотрагиваясь до земли, ревниво покрытой туманомъ. Съ горки, гдѣ остановилась телѣжка, поверхъ тумана были видны верхушки деревьевъ, вдали крыши мельницы и амбаровъ и отовсюду видимый и всегда сверкающій крестъ на дальней церкви. Ухнула ночная птица, дергачъ отвѣтилъ ей изъ травы; но это не внесло никакого оживленія. Остановившись, на нѣсколько минутъ для отдыха лошади, офицеры вышли изъ телѣжки.

— Наши всякіе теперешніе «исты», заговорилъ Корсаровъ навѣрно про эту картину написали бы: Пропитанная подлостью земля пряталась за туманомъ не изъ стыда, а какъ похотливая женщина, прозрачными одеждами раздражающая мужчину. Она обѣщаетъ ему сбросить все, если... И вмѣсто этого еще болѣе обволакиваетъ себя, притягивая и одурманивая. Самка, производящая, отдающаяся и скрытная, она можетъ принадлежать всѣмъ, но, что она такое, — не скажетъ никто...

Дикъ съ удивленіемъ слушалъ этотъ наборъ словъ, всетаки немного ему понятный, и наблюдалъ за игрой лица и блескомъ глазъ Корсарова.

— Я думалъ тебя развлечь, а ты вмѣсто этого заговариваться сталъ... Неужели вашъ tête-à-tête съ Агнессою Владиміровной передъ отъѣздомъ причиной этому?

— Да, она случайно видѣла меня нѣсколько разъ въ Петербургѣ съ одной... женщиной. Эта женщина меня обманула; и когда теперь мнѣ объ этомъ напомнили, я обозлился. Обозлился потому, что здѣсь, глядя на эту картину, я понималъ, почувствовалъ возможность при одномъ движеніи руки этой женщины, опять стать рядомъ съ ней, несмотря ни на что. Въ то время, какъ ты, размѣниваясь на мелкую монету, на все глядишь легко и насмѣшливо, я чувствую, несмотря на настойчивый призывъ къ себѣ здраваго смысла, иногда способность совершить поступки подъ чужимъ влияніемъ, помимо своей воли...

— Ты извиняешь отчасти эту женщину уже тѣмъ, что допускаешь возможность вниманія съ ея стороны по твоему адресу. Мо-

жетъ быть она противъ воли, подобно тебѣ, тебя обманула. Какъ это было? Она тебѣ сказала?

— Она мнѣ ничего не говорила.

— Тебѣ рассказали другіе?

— Нѣтъ, я видѣлъ, какъ ея руки цѣловаль другой.

— Ну такъ что-жъ?

— Я не отвѣтилъ на ея письмо съ вопросомъ, почему къ ней не иду...

— Очень хорошо... А ты знаешь причины, почему этотъ «онъ» цѣловаль ея руки? Увѣренъ, что нѣтъ. Нельзя придумать, какія могутъ быть причины, почему иногда женщина, несмотря на обратное желаніе, поступаетъ тѣмъ или инымъ образомъ. Ты оскорбилъ ее, хотя, вѣрно, слѣдующее же письмо объяснило бы все. Счастье этой женщины, что такой случай избавилъ ее отъ тебя: въ дальнѣйшемъ ты способенъ былъ отравить ей всю жизнь, несмотря на серьезную любовь. Тебѣ мой совѣтъ: брось свои отвлеченныя теоріи, подойди ближе къ жизни, проще гляди на вещи, и все, что тебѣ кажется ужаснымъ, будетъ тогда освѣщено болѣе розовымъ свѣтомъ... Однако, пора ѣхать.

Черезъ полъ минуты телѣжка скрылась подъ горой въ туманѣ.

Въ избѣ Дикъ лежалъ въ постели и читалъ при свѣтѣ Монасана. Егорушка выносилъ воду и развѣшивалъ мокрыя полотенца, а Корсаровъ, сидя у стола, писалъ.

Его рука быстро бѣгала по листу почтовой бумаги и голова, слѣдя за перомъ, наклонялась отъ лѣваго плеча къ правому; плечи горбились и закрывали шею. Нагорѣвшая свѣча мерцала и тѣни отъ предметовъ трепетали по стѣнамъ.

IV.

Прошло дней пять. Первая съемка была сдана Корсаровымъ успѣшно. Дикъ съ повѣрки вернулся нѣсколько сконфуженнымъ и, не рассказывая, что было, какъ то суетливо принялъ участіе въ сборахъ на другое мѣсто. Но на слѣдующій уже день опять свистѣлъ, спрашивалъ о сосѣдяхъ и, устраивая борьбу между деревенскими ребятами, дарилъ побѣдителей конфетами и разнималъ, когда борьба переходила въ драку.

Съ утра моросилъ дождь, но Корсаровъ вышелъ на работу. Нѣсколько ясныхъ минутъ позволили ему засѣчь три, четыре вѣхи, а

затѣмъ, уже болѣе часу онъ сидѣлъ на настилѣ моста, опустивъ ноги къ водѣ; ручей былъ довольно бурливъ отъ непогоды.

Солдаты, лежа на одной шинели, укрылись съ головой и спали, прижавшись другъ къ другу, недалеко отъ кустовъ. Сѣрый громадный камень закрывалъ за ними долину ручья, похожую на оврагъ. Края его, гдѣ было не очень круто, были распаханы и сѣрая земля, матовая, хотя былъ дождь, гармонировала съ такимъ же тусклымъ небомъ, грязной дорогой, осклизлыми бревнами моста и грязными, съ намокшей на нихъ глиной, сапогами солдатъ, торчавшими изъ подъ шинели.

Вниманіе Корсарова было поглощено камнемъ, который никакъ не могла сдвинуть, несшаяся мимо него, вода, хотя онъ не крѣпко лежалъ на другихъ камняхъ и упасть ему было легко.

Блѣдный и худой, уперевъ о колѣнку локоть и пальцами захвативъ подбородокъ, онъ слѣдилъ за судьбой камня и думалъ: если онъ упадетъ и скроется подъ водой, сорвусь и я. Маленькая надежда быть старымъ и спокойнымъ еще есть; а затѣмъ чистая ли, мутная ли вода потащитъ меня за собой и гдѣ и какъ я остановлюсь—Богъ вѣсть!

Сверху, съ горы, спускался тарантасъ: Дикъ вѣдиль за жалованьемъ, письмами и газетами и теперь возвращался домой. Онъ остановилъ ямщика, не доѣжая моста, подошелъ къ Корсарову и, подавая сѣрый конвертъ, надписанный женской рукой, спросилъ: это оттуда?

Корсаровъ взялъ письмо, нагнулся надъ нимъ, вслыхнулъ и началъ надрывать конвертъ.

Дикъ его остановилъ.

— Слушай. Я не знаю, какъ и ты, что онъ заключаетъ. Тебѣ могутъ сказать: уйди прочь; могутъ отвѣтить: вернитесь; наконецъ, ты въ немъ можешь найти только свое собственное недавнее писаніе... Но помни, что она великодушнѣе тебя; ты получишь отвѣтъ...

Б. С.

Бруннхуберъ, побившій рекордъ подъема съ пассажирами на аэропланѣ „Альбатросъ“ (поднятый грузъ—301 килограммъ).

Г жа Дютріѣ, взявшая призъ за наибольшую дальность полета дамы-пилота въ 1910 году (167 километровъ въ 2 час. 33 мин.).

Германскіе горныя сани—тандэмъ.

Катаніе съ горъ на лыжахъ въ С. Морицѣ.

